

Сулима Екатерина Сергеевна

аспирант, старший преподаватель
кафедры теории и практики
китайского языка
Минский государственный
лингвистический университет,
г. Минск, Беларусь

Katsiaryna Sulima

PhD Student, Senior Lecturer of the
Department of Theory and Practice
of the Chinese Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
sulima.katerina@yandex.by

СИМВОЛИКА НАИМЕНОВАНИЙ ПТИЦ
В РАЗДЕЛЕ «НРАВЫ ЦАРСТВ»
ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ «КНИГИ ПЕСЕН» («ШИЦЗИН»)

BIRDS' NAMES SYMBOLISM IN THE PART "AIR OF THE STATES"
OF THE ANCIENT CHINESE "BOOK OF SONGS" ("SHIJING")

В статье рассматриваются иероглифические знаки с семантикой наименования птиц, их символика и образность в произведениях раздела «Нравы царств» древнекитайской «Книги песни» («Шицзин»).

Ключевые слова: «Нравы царств»; «Книга песен»; «Шицзин»; семантика; символика; наименования птиц; фасцинация.

The article examines hieroglyphic signs with the semantics of birds' names, their symbolism and imagery in the works of the part "Air of the States" of the ancient Chinese "Book of Songs" ("Shijing").

Key words: "Air of the States"; "Book of Songs"; "Shijing"; semantics; symbolism; names of birds; fascination.

«Книга песен» («Шицзин») – уникальный памятник древней литературы, первый в истории Китая сборник поэтических произведений. Несмотря на то, что эта книга, будучи одной из основных в конфуцианском каноне, постоянно находится под пристальным вниманием китайских исследователей, объем научной информации о ней в русскоязычном пространстве крайне ограничен.

В песнях «Шицзин» количество образов, связанных с миром флоры и фауны, поражает воображение. Согласно предварительным подсчетам, в сборнике упоминается 77 видов трав, 43 вида деревьев, 39 видов птиц, 26 видов насекомых, 24 вида млекопитающих, 16 видов рыб. Необходимо отметить, что помимо названий реально существующих представителей фауны, также присутствуют и наименования мифологических существ.

Цель работы – рассмотреть символику и образность, которую приносят в поэтическое произведение иероглифы со значением наименований птиц. Материалом исследования послужили оригиналы текстов первого раздела «Книги песен» 《国风》 («Нравы царств»). В данный раздел включены 160 поэтических текстов 15-ти царств, в 30 песнях 14-ти царств фигурируют 23 наименования птиц (общее количество упоминаний – 35).

Далее приводятся результаты детального изучения текстов песен, содержащих иероглифические знаки с семантикой наименования птиц, и комментариев китайских ученых к ним, а также выявленные символические значения.

В первой песне сборника 《关雎》 («Выезд невесты» (I, I, 1)¹) мы столкнулись с проблемой трактовки названия 雎鳩 [jū jiū], так как до сих пор существуют разногласия в вариантах понимания того, как выглядела эта птица [2; 3; 4; 5, с. 290–295]. Наиболее распространенные варианты – скопа (водный орел) [3, с. 2–3], утка (кряква) [4, с. 80], разновидность водоплавающей птицы [2, с. 2]. А. А. Штукин пишет: «селезень с уткой в Китае с древности являются символом супружеской любви и целомудрия» [1, с. 315]. Такой же точки зрения придерживаются и китайские специалисты.

Классическим символом супругов, свадьбы в китайской культуре является образ сороки. Наименование этой птицы фигурирует и в текстах «Шицзин». Однако в песне 《鹊巢》 («Выезд невесты» (I, II, 1)) пару ей составляет не птица того же вида, как мы наблюдали в предыдущем примере, а 鳩 [jiū]: в древности этот иероглиф кодировал наименования пяти различных видов птиц, современные китайские исследователи утверждают, что здесь подразумевается ‘кукушка’ [2, с. 24; 3, с. 24]).

维鹊有巢，	Сорока свила для себя гнездо –
维鳩居之。	Голубка поселится в нем.
之子于归，	В пути новобрачная, сто колесниц
百两御之。	Встречают ее с торжеством.

---

¹ Здесь и далее перевод названий и текстов песен дается в соответствии с переводом А. А. Штукина, прилагается также нумерация: первый символ – название раздела, второй – подраздела, третий – номер текста песни [1, с. 342–351]. Отметим, что приведенный перевод не является единственным (полный перевод сборника на русский язык также осуществил В. П. Абраменко). Перевод дается для удобства восприятия материала статьи, семантический анализ песни осуществлялся исключительно на основе оригинальных китайских текстов.

Большинство специалистов полагают, что это свадебная песня, которая исполнялась в качестве пожелания знатной невесте счастливого брака. По словам Ли Шичжэня, кукушка сама гнездо не вьет, а занимает гнездо сороки. Таким образом, сорока является символом жениха, совершившим все приготовления для приезда невесты, а кукушка – символом невесты. Однако некоторые специалисты утверждают: это песня-жалоба благородной женщины о том, что ее муж приводит в дом другую невесту (видимо, наложницу, заключает повторный брак или союз, не соответствующий принятым нормам). И хотя Ван Сюэмэй не видит в радостном настроении песни оттенков горести, нам эта трактовка кажется более достоверной. Известная поговорка 鳩居鵲巢 ‘горлица своего гнезда не строит, живет в гнезде сороки’ (о жене, перешедшей в дом мужа) [7, с. 522] происходит именно из этой песни. Ван Сюэмэй отмечает: первоначальное значение песни потом расширилось до «занимать чужой дом, чужое место» [2, с. 23], что также может подтверждать наши предположения.

Иероглиф 鳩 [jiū] присутствует и в песне 《氓》 («Ты юношей простым пришёл весной» (I, V, 4)), но трактуется как ‘горлица’. Это песня-предупреждение женщины, подвергшейся жестокому обращению с ней супруга. Существует поверье, что горлицы любят плоды шелковицы, но, наевшись, могут опьянеть [2, с. 121]. Таким образом, горлицы символизируют девушек, которым нужно быть осторожнее в выборе спутника.

Наименование птицы 鸚鳩 [shījiū] видим в одноименной песне 《鸚鳩》 («На той шелковице голубка сидит» (I, XIV, 3)). Китайские исследователи утверждают, что это ‘кукушка’, и отмечают, что в данной песне этот образ является мужским. В тексте говорится, что у кукушки есть семь птенцов (в значении ‘много’). В древнем Китае люди верили, что у кукушки отношение ко всем птенцам одинаково справедливое [2, с. 295], в данной песне это выражение используется в качестве метафоры, показывающей успехи и влияние не только правителя, благородного мужа, но и его детей.

Вернемся к образу сороки, который также фигурирует в тексте 《防有鵲巢》 («Вьет гнездо сорока на плотине» (I, XII, 7)). Лейтмотив песни – сокрушение влюбленного человека (супруга или супруги) о том, что другие люди посредством обмана и клеветы сеют раздор в паре:

防有鵲巢，	Вьет гнездо сорока на плотине;
邛有旨苕。	На горе хорош горошек синий.
谁俯予美？	Кто сказал прекрасному неправду？
心焉忉忉。	Сердце скорбь наполнила отныне.

Как уже было сказано, сорока в Китае является символом супружеского счастья, однако в данной песне первые две строки каждой строфы описывают неправдоподобные факты: сороки вьют гнезда на деревьях, а не на плотине, а камыш (есть разные варианты перевода, однако это наименование растения, произрастающего во влажной почве) растет не на горе, а возле водоема¹.

Иероглиф 鵲 ‘сорока’ также встречается в зачине к песне 《鵲之奔奔》 («Четой перепёлки кружат у гнезда» (I, IV, 5)):

鵲之奔奔，	Четой перепелки кружат у гнезда;
鵲之彊彊。	Четую повсюду сороки кружат.
人之无良，	Недобрый он был человек, говорят,
我以为兄。	А мной почитался как старший мой брат.

По поводу смысла данного текста есть разногласия, однако все исследователи единодушны в том, что в нем осуждается, высмеивается недоброе поведение правителя царства Вэй. Но и в этой песне 鵲 ‘сороки’ и 鵲 ‘перепелки’, летающие парами, – символы супругов.

В песне 《燕燕》 («То ласточки» (I, III, 3)) ласточки, парящие парами, являются знаком совместности, который выступает контрастом вынужденного расставания женщины с ее сестрой. Это первое в истории китайской литературы произведение о горести прощания.

В песне 《伐檀》 («Удары звучат далеки, далеки» (I, IX, 6)) 鵲 ‘перепелка’ упоминается как название добычи для пропитания, однако акцентируется внимание на постепенном уменьшении размера добычи (сначала иероглиф 貍 ‘барсук’, затем 特, в контексте данной песни обозначающий ‘крупное животное’, и 鵲 ‘перепел’), что говорит о жадном, но ленивом хозяине, который хочет завладеть всем, не прилагая никаких усилий [2, с. 218].

Наименование птицы 雀 [què] ‘воробей’ встречается единожды в 《行露》 («Песня невесты, отвергающей жениха» (I, II, 6)). В ней женщина говорит о том, что она отказывается от нежеланного брака или брака, заключенного вразрез с принятыми нормами. А. А. Штукин дает следующий комментарий: «воробьи живут под пробитою кровлей, но это не значит, что у них есть рога, <...> наш брачный обряд не был закончен, и твоё обращение в суд не является доказательством существования брака между нами, как и пробитая кровля – доказательством наличия рогов у воробья» [1, с. 316]².

---

¹ Видимо, появление в переводе несуществующего «синего горошка» – дань строгому соблюдению определенной рифмы и количеству слов в строке.

² Обращаем внимание, что символика воробья в контексте «Книги песен» не раскрывается.

Наименование еще одной маленькой птицы 黄鸟 [huáng niǎo] ‘иволга, канарейка’ – одно из наиболее частотных в «Книге песен» (во всем сборнике по частотности уступает только гиперониму 鸟 ‘птица’). В разделе «Нравы царств» упоминается в песнях: 《葛覃》 («Стебли простерла далеко кругом конопля» (I, I, 2)), 《凯风》 («Песнь о сыновьях, которые не сумели покоить старость матери» (I, III, 7)) и 《黄鸟》 («Там иволги» (I, XI, 6)).

По словам Ван Сюэмэй, 《葛覃》 («Стебли простерла далеко кругом конопля» (I, I, 2)) – песня добродетельной замужней женщины, собирающейся в дорогу, чтобы навестить своих родителей. Это очень редкое и радостное событие, требующее большой подготовки, этапы которой четко прослеживаются в тексте, а именно: сбор конопли (использовалась в древнем Китае в качестве сырья для изготовления ткани), отваривание, изготовление полотна, пошив, оценка удобства такой одежды) [2, с. 4–6]. В качестве зачина используется описание природы, в которой фигурируют 黄鸟 [huáng niǎo] ‘иволги’ (о множественном числе птиц свидетельствует строка 集于灌木 ‘сели на кусты и деревья’).

Проанализировав содержание поэтического текста, можно предположить, что иволги символизируют женщин, поющих и собирающих растения, или женщин одной семьи, которые, выйдя замуж и находясь далеко от дома, наконец имеют возможность встретиться. Как сказано в тексте, пение иволги 啾啾 ‘гармонично, мелодично’, что также добавляет ощущения радости и красоты.

В песне 《凯风》 («Песнь о сыновьях, которые не сумели покоить старость матери» (I, III, 7)) 黄鸟 ‘иволга’ и ее пение также связаны с радостью, однако основной мотив звучит печально, несколько обреченно. Текст песни принадлежит сыну, обвиняющему себя в том, что не смог воздать своей матери достойную брагодарность за труды. Песня завершается параллелизмом, усиливающим фасцинационное¹ воздействие произведения: образу иволги противопоставляются образы семи сыновей, прекрасному пению – невозможность утешить мать.

В тексте песни 《黄鸟》 («Там иволги» (I, XI, 6)) описано недовольство народа древним обычаем захоронения приближенных к правителю царства людей в случае его смерти. В «Цзо чжуань» (《左传》) записано: Му Гун, правитель царства Цинь, умер, и народ, оплакивая преданных погребению вместе с покойником трех благородных чиновников и сыновей рода Цзы Цзюя (Янь Си, Чжун Хана и Чжэнь Ху), описал эти события

---

¹ Подробнее о разграничении информации и фасцинации см. работу Ю. В. Кнорозова «К вопросу о классификации сигнализации» [6, с. 28–39].

в песне «Иволги»¹. В двухтомнике «Шицзин» авторства Ван Сюэмэй сказано, что согласно трактату «Исторические записки (Основные записи царства Цинь)» вместе с Му Гуном погребли 177 человек [2, с. 256]. Пение иволги выступает как усилитель: на его фоне ощущение радости становится еще ярче, а чувство печали, учитывая контраст, становится невыносимым.

Ван Сюэмэй [2, с. 257] и Ло Юймин [3, с. 230] отмечают: иволги слетаются на разные деревья – символ 不得其所 ‘напрасной смерти, погребения не должным образом’. Ван Сюэмэй добавляет, что существует другой, требующий внимания, вариант трактовки, в котором каждое наименование дерева обладает двойным значением (возникает своего рода семантическая и фонетическая метафора: визуальный ряд строится на образе дерева, аудиальный – на соотнесенности с определенной эмоцией. – Е. С.): «棘, 指紧急; 桑, 指悲伤; 楚, 指痛楚» [2, с. 257], что можно перевести как ‘терновник (jì) обозначает тревогу, чрезвычайность, напряженность [ситуации] (jǐnjí); тутовое дерево или шелковица (sāng) – печаль, горе (bēishāng), прутья (chǔ) – боль, страдания (tòngchǔ)’. Сказанное позволяет сделать вывод: в этом тексте образ иволги является положительным, птицы символизируют людей добродетельных, но напрасно погибших.

Примером образа недобродетельного чиновника может быть 鶡 ‘пеликан’. Встречается это наименование птицы в песне 《侯人》 («Ходят они на приёмы» (I, XIV, 2)) и символизирует новых чиновников, не соответствующих занимаемой должности, однако живущих в роскоши, словно пеликаны, сидящие на заколе, но не удосужившиеся в поисках рыбы замочить ни крылья, ни клювы. В песне для создания большего контраста говорится о бедности простого народа. Стоит обратить внимание на перевод наименования птицы. Согласно китайским источникам правильным будет перевод ‘пеликан’, однако в Большом китайско-русском словаре приводится значение ‘баклан’: «鶡翼 бакланье крыло (обр. о негодном сановнике, незаслуженно занимающем доходный пост, не принося пользы государству; по метафоре в песне 侯人 из «Шицзина» 维鶡在梁, 不濡其翼 Там на плотине баклан сидит, он крыльев не замочит – не нырнёт за рыбой)» [7, с. 519].

Одной из песен-жалоб простого народа на нелегкую долю является 《鶉羽》 («Гуси» (I, X, 8)). В ней поется о многочисленных тяготах солдат, отправленных в дальние края нести службу, о том, что такая жизнь совсем не соответствует природе человека, о желании поскорее вернуться домой и быть опорой для родителей.

---

¹ 《左传》载：秦穆公卒，“以子车氏之三子奄息、仲行、鍼虎为殉，皆秦之良也。国人哀之，为之赋《黄鸟》” [3, с. 230].

肃鸨羽，
隼于苞栩。
王事靡盬，
不能蓺稷黍，
父母何怙？

То дикие гуси крылами шумят,
К могучему дубу их стаи летят –
На службе царю я усерден, солдат.
Я просо не сеял, забросил свой сад.
Мои старики без опоры... Мой взгляд ...

Наименование птицы 鸨 переводится как «дрофа», в народе эту птицу называют «дикий гусь». Как отмечает Ван Сюэмэй, у этих птиц на лапах отсутствует задний (противопоставленный остальным) коготь, что не позволяет им держаться на дереве [2, с. 234]. Более того, у дроф очень мощные ноги, они предпочитают перемещаться по земле, гнезда строят также на земле, в листве. Поэтому вполне понятна ассоциация данной птицы, не приспособленной к дальним полетам, с человеком, привыкшим вести крестьянскую оседлую жизнь. Можно заключить, что образ дроф в этой песне символизирует мужчин, вынужденных отправиться в дальние края нести службу.

Образ же именно птицы ‘гусь’ передается иероглифом – 雁 [yàn]. По сравнению с другими текстами «Шицзин», композиция песни царства Чжэн 《女曰鸡鸣》 («Жена сказала» (I, VII, 8)) очень необычна. Автор песни вводит словами 女曰 ‘женщина (жена) говорит’ и 士曰 ‘мужчина (муж) говорит’ начало утреннего диалога между супругами. Эта песня – дуэт, теплый разговор любящей пары об их планах: о походе на охоту, приготовлении еды, встрече гостей; символизирует благополучный брак. В первой строфе мы видим сразу наименования трех птиц: 雁 [yàn] ‘гусь (гуменник)’, 鳧 [fú] ‘дикая утка’, 鸡 [jī] ‘петух’:

女曰：“鸡鸣。”

Жена сказала: «Петух пропел».

士曰：“昧旦。”

Ей муж ответил: «Редет мрак».

“子兴视夜，
明星有烂。”

«Вставай, супруг мой, и в ночь взгляни,
Рассвета звезды горят, пора!

“将翱将翔，
弋鳧与雁。”

Спешите на охоту, супруг, живей –
Гусей и уток стрелять с утра!»

Как и в другой песне-дуэте 《鸡鸣》 («Слышу, давно уж пропел петух» (I, VIII, 1)), в этом тексте пение петуха означает наступление утра, в отличие от песни 《君子于役》 («Тоска о муже» (I, VI, 2)), в которой куры, вернувшись на насест, символизируют наступление вечера. Однако необходимо дать более подробный анализ приведенного выше текста и его перевода. Судя по переводу, строки 3–6 являются репликами супруги, однако в оригинале ей принадлежат только строки 3 и 4, а 5 и 6 – ответная реплика мужа. Песня состоит из трех строф, в переводе на русский язык только в первой строке есть реплика мужа “Редет мрак”, однако в

оригинале первая строфа – последовательное чередование реплик женщины и мужчины, весь второй куплет исполняет женщина, а весь третий – мужчина. Это кардинальным образом меняет смысл песни: воспринимаемая носителем русского языка как женская песня-восхваление супруга, она изначально являлась дуэтом-признанием во взаимных глубоких чувствах.

Перевести буквально реплику мужа из первого куплета можно так: «Птицы скоро поднимутся в небо, // [Пойду] постреляю уток и гусей». На первый взгляд в данной песне гуси и утки – лишь наименование дичи, используемой для пропитания. Однако подношение гуся было первым из этапов “六礼” – шести свадебных обрядов древности, который именуется “纳采” ‘посылка первого подарка в дом невесты в знак помолвки’. Традиция посылать в дом невесты гуся берет начало от указа Чжоу Гуна (около XI в. до н. э.), а сам гусь является символом не только предстоящей свадьбы, но и супружеской верности (эта птица моногамна, в случае гибели партнера союза повторно не создает), а также, согласно китайской философии, символом “阴趋阳” ‘инь стремится к ян’ (как гуси обычно летят с севера на юг, стремятся к теплу, так и жена следует за своим мужем). Более того, в древности “婚礼” ‘свадебная церемония’ также именовалась “奠雁礼” ‘церемония (обряд) подношения гуся’ [8]. Таким образом, упоминание знака 雁 ‘гусь’ в песне 《女曰鸡鸣》 («Жена сказала» (I, VII, 8)) может символизировать любовь и верность супругов, счастливую жизнь в браке.

Такое же символическое значение названия птицы 雁 ‘гусь’ наблюдается и в другой песне «Шицзин» – 《匏有苦叶》 («У тыквы зелёные листья горьки» (I, III, 9)). По словам китайских исследователей, эта песня, которую поет девушка осенним утром на берегу реки 济 ‘Цзи’. Она надеется, что ей удастся встретить достойного жениха и до наступления весны (таяния льда на реке) выйти замуж [2, с. 65–66].

В упомянутой выше песне встречается наименование птицы 雉 [zhì] ‘фазан’, являющейся в «Шицзин» символом человека благородного, честного и порядочного, в некоторых песнях есть иероглифы, обозначающие самца и самку фазана. Такой образ, как 雉 ‘самка фазана’, есть символ девушки, ожидающей жениха. Использование образа гусей говорит о том, что другим девушкам их посылают в качестве знака помолвки, а героиня песни все еще одна. Следует подчеркнуть, что в оригинале строка 迨冰未泮 [dài bīng wèi pàn] переводится как ‘поторопись (воспользуйся случаем) пока лёд не растаял’ (в древнем Китае осень и зима являлись наиболее благоприятными сезонами для проведения свадьбы).

В песне 《雄雉》 («Как пёстрый фазан далеко улетает» (I, III, 8)) мы видим образ 雄雉, что значит ‘самец фазана’. Женщина поет о том, как скучает по мужу, который уехал нести службу, фазан представляет образ супруга.

Что касается песни 《兔爰》 («Заяц медлителен» (I, VI, 6)), то в ней под таким образом, как 雉 ‘фазан’, подразумевается сам автор, чувствующий себя в безвыходном положении во время смуты в царстве. Здесь необходимо отметить неточность перевода: согласно комментариям китайских специалистов [2, с. 142–143], автор песни говорит о том, что во времена, когда он родился, в царстве был мир и порядок, а после его рождения начала разрастаться смута, повсюду стали разгораться войны, и он настолько подавлен горем, что не хочет жить (в отличие от перевода, в оригинале нет указания на то, что автор совершил что-то такое, о чем сейчас сожалеет).

Обратимся еще раз к образу птицы, именуемой «гусь». В «Книге песен» этот образ также обозначается иероглифом 鸿 [hóng] ‘гусь гуменник, лебедь’ и присутствует в двух песнях. Однако в одной из них иероглиф 鸿 действительно обозначает вышеназванных птиц, а в другой тот же самый иероглиф может иметь значение ‘жаба, лягушка’¹. Поэтому прокомментируем только текст песни 《九罭》 («С девятью кошелями поставлена сеть» (I, XV, 6)). Согласно переводу, это песня женщины, не желающей расставаться с мужчиной. Среди китайских исследователей существует также другая трактовка: данный текст – восхваление народом Чжоу Гуна, которому во время военного похода на восток удалось примирить четыре царства и принести мир народу царства 邠 ‘Бинь’ [2, с. 318–319]. Люди не хотели отпускать правителя Чжоу Гуна, чрезвычайно важного и дорогого гостя, что и отразили в тексте песни. Кроме того, А. А. Штукин дает такой комментарий к строке «Мы увидели князя – был выткан дракон»: «изображениями дракона могли украшаться только парадные одежды царя и его высших советников. Царская одежда украшалась изображениями взлетающего и опускающегося дракона, а

---

¹ Комментарий к песне 《九罭》 («С девятью кошелями поставлена сеть» (I, XV, 6)): «鸿, 天鹅, 或大雁 ‘鸿 обозначает «лебедь» или «гусь»’ [3, с. 298]; «鸿: 大雁, 一说天鹅 ‘鸿 обозначает «гусь» или по другой версии «лебедь»’ [2, с. 319]. Комментарий к песне 《新台》 («Новая башня» (I, III, 18)): «鸿就是虾蟆 ‘鸿 это «лягушка, жаба»’ [2, с. 87]; «鸿, 虾蟆 ‘鸿 «лягушка, жаба»’ [3, с. 77].

одежда советника только изображением опускающегося дракона» [1, с. 325]. В данном контексте гуси, летящие далеко и высоко, символизируют высокопоставленного гостя, возвращающегося на запад (поход Чжоу Гуна был на восток, более того, эта песня, фиксирующая факт благополучного похода, не единственная¹). Есть также версия, что это просто песня радушного хозяина, не желающего отпускать дорогих гостей.

Еще одно произведение, в котором присутствуют наименования птиц, повествует о возвращении из военного похода Чжоу Гуна, однако уже от лица солдата. В песне 《东山》 («Возвращение из похода» (I, XV, 2)) мужчина поет о том, что долго не был в родных краях, думает о жене, представляет, как сейчас выглядит его родина. В этой песне упоминаются 鸛 [guàn] ‘аист’ и 仓庚 [cāng gēng] ‘иволга’. В тексте очевиден параллелизм: аисты (в переводе А. А. Штукина «цапли») печально кричат – женщины вздыхают дома, а иволги летают, сверкают прекрасным оперением, символизируют радость, свадьбу.

Иволга также упоминается в первой песне царства 幽 ‘Бинь’ – 《七月》 («Песня о седьмой луне» (I, XV, 1)). В тексте образ поющей иволги выступает фоном к описанию девушки, занятой сельскохозяйственной работой и опечаленной мыслью о возможном замужестве (в древности это могло быть обусловлено расставанием с родителями) [3, с. 273].

В этой песне мы видим название еще одной птицы 鷓 [jú] ‘сорокопут (ифрита)’.

七月鸣鷓，	Кричит балабан о седьмой луне.
八月载绩。	В восьмую – за пряжу садиться жене.
载玄载黄，	Мы черные ткани и желтые ткем,
我朱孔阳，	А ту, что сверкает багряным огнем,
为公子裳。	Что ярче всех и красивей всех,
	Мы княжичу в дар на халат отдаем.

В китайском оригинале «сорокопут» был заменен в переводном тексте на «балабан» (также встречается написание «балобан»). Интересно, что далее упоминаются цвета тканей: черный, желтый, багряный (ярко-красный), – именно те цвета, которые присутствуют в оперении птицы сорокопут, балабан же выглядит как сокол. Поэтому, исходя из текста песни, можно предположить, что образ птицы сорокопут коррелирует с образом правителя княжества. Стоит указать, что эта птица хищная.

---

¹ См. 《破斧》 («О походе князя Чжоу на восток» (I, XV, 4)).

В разделе «Нравы царств» также присутствуют наименования таких хищных птиц, как 晨风 [chén fēng] ‘сокол, ястреб’, 鸱 [xiāo], 鸱鸢 [chī xiāo] и 流离 [liú lí] – ‘сова’.

Буквальный перевод иероглифических знаков 晨风 – ‘утренний ветер’, однако в одноименном тексте «Книги песен» 《晨风》 («Тоска по мужу» (I, XI, 7)) обозначает ястреба (сокола). С древности и до сих пор существует множество интерпретаций этой песни, но из текста оригинала можно сделать единственный достоверный вывод – образ сокола коррелирует с образом мужчины (мужа, чиновника).

Птица, в современном китайском языке обозначаемая как 猫头鹰 [māotóuyīng] ‘сова’, в «Книге песен» представлена древними вариантами: 鸱 [xiāo] и 鸱鸢 [chī xiāo]. В одной из песен поясняется, что 流离 [liú lí] – это тоже сова (приводится иллюстрация [3, с. 287]), однако есть версия, что данные иероглифы можно трактовать как «странники».

Иероглиф 鸱 ‘сова’ встречается в песне 《墓门》 («У врат могильных» (I, XII, 6)). Согласно комментарию Ван Сюэмэй, древние китайцы считали, что эта птица приносит несчастье [2, с. 274]. Лейтмотив песни – обличение человека в дурных поступках, в которых сам он не раскаивается, за чем неизбежно последует беда. Судя по оригиналу песни, образы могильных врат и слетевшихся сов являются символами несчастья, гибели. Наименование 鸱鸢 ‘сова’ можно увидеть в песне 《鸱鸢》 («О ты, сова» (I, XV, 2)), полностью построенной на иносказании. Ло Юймин, комментируя наименование птицы в обеих песнях, пишет, что она – символ зла, несчастья, плохого человека [3, с. 250, 286]. Этот же ученый прилагает изображение птицы 流离 ‘сова’ к песне 《旄丘》 («Возросла конопля над пологим холмом» (I, III, 12)). Ван Сюэмэй трактует эти иероглифы как «странники, скитальцы» [2, с. 307].

Наименование птицы 乌 [wū] ‘ворона’ упоминается в тексте 《北风》 («Северный ветер» (I, III, 16)). В песне описывается мрачная обстановка, сложившаяся в царстве, текст пропитан ощущением приближающейся беды, тревоги. Строку “莫黑匪乌” можно перевести как ‘не бывает в мире ворон не чёрного цвета’, под этим метафорически подразумеваются темные замыслы правителей того времени или теневые политические игроки.

Таким образом, можно сделать следующие выводы о символическом значении наименований птиц в разделе «Нравы царств» древнекитайской «Книги песен»:

- 雌鳩 [jū jīu] кодируют наименования самца и самки скопы (рыбного орла) или, по другой версии, селезня и утки, которые являются символом пары, супружеской любви;
- 鳩 [jiū] ‘кукушка’ представляет образ женщины, которая выходит замуж, переезжает в дом будущего супруга; ‘горлица’ – образ молодой девушки, которой необходимо быть осмотрительной в выборе спутника;
- 鸚鳩 [shī jiū] ‘кукушка’ символизирует правителя, успехи и влияние благородного мужа и его детей;
- 鵲 [què] ‘сорока’ в разных интерпретациях и песнях может кодировать образ супруги, жениха, пары;
- 鶉 [chún] ‘перепел’ – символ пары; большое количество перепелок, приобретенных без труда, олицетворяют жадность хозяина или правителя;
- 燕 [yàn] ‘ласточка’, парящие парами, – символ совместности, общих дел; радости на фоне грусти;
- 黃鳥 [huáng niǎo] ‘иволга, канарейка’ – символ радости встречи, совместной деятельности женщин; добродетельных, но напрасно погибших, благородных людей;
- 倉庚 (鸛鷓) [cāng gēng] ‘иволга’, красивое и трогательное пение этой птицы символически связывается с душевными переживаниями;
- 鶡 [tí] ‘пеликан’ – символ чиновника, не соответствующего занимаемой должности;
- 鶡 [bǎo] ‘дрофа’ символизирует мужчин-крестьян, вынужденных отправиться в дальние края нести службу;
- 鷄 [jī] ‘петух’ символизирует наступление утра, ‘куры’ – вечера;
- 鳧 [fú] ‘дикая утка’, «дичь»; может символизировать супружество;
- 雁 [yàn] ‘гусь’ – символ помолвки, супружеской любви и верности;
- 鴻 [hóng] ‘гусь, лебедь’ символизирует высокопоставленную особу, дорогого гостя;
- 雉 [zhì] ‘фазан’ – символ благородного, достойного человека;
- 鶴 [guàn] ‘аисты’ символизируют женщин, оставшихся дома ожидать мужей из дальних военных походов;
- 鴟 [jú] ‘сорокопуд’ может символизировать правителя;
- 晨風 [chén fēng] ‘сокол, ястреб’ – символ мужчины, чиновника;
- 鴞 [xiāo], (鸛鴞) [chī xiāo], 流離 [liú lí] ‘сова’ – символы зла, несчастья, плохого человека;
- 烏 [wū] ‘ворона’ – символ людей с темными замыслами, приближающейся беды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шицзин: Книга песен и гимнов / пер. с кит. А. Штукина ; подгот. текста и вступ. ст. Н. Федоренко ; коммент. А. Штукина. – М. : Худож. лит., 1987. – 351 с.
2. 诗经 / 王秀梅译注. – 北京 : 中华书局, 2015. – 829 页. = Шицзин / Ван Сюэмэй ; пер. и коммент. Ван Сюэмэй. – Пекин : Китайское книгоиздательство, 2015. – 829 с.
3. 诗经 / 骆玉明解注 ; (日) 细井徇撰绘. – 西安 : 三秦出版社, 2017. – 990 页. = Шицзин / Ло Юймин ; коммент. Ло Юймин ; иллюстр. Си Цзинсюнь (Яп.). – Сиань : Издательство Саньцинъ, 2017. – 990 с.
4. 诗经析读: 全文增订插图本 / 李山著. – 北京 : 中华书局, 2018. – 905 页. = Чтение и анализ «Шицзин» : полный текст с исправлениями, дополнениями, иллюстрациями / Ли Шань. – Пекин : Китайское книгоиздательство, 2018. – 905 с.
5. Кобзев, А. И. Старые проблемы и новый перевод «Ши цзина» / А. И. Кобзев // Общество и государство в Китае. – 2018. – № 2. – С. 261-331. – URL : <http://cyberleninka.ru/article/n/starye-problemy-i-novyy-perevod-shi-tszina> (дата обращения: 02.04.2023).
6. Кнорозов, Ю. В. Избранные труды / Ю. В. Кнорозов. – СПб. : МАЭ РАН, 2018. – 594+II с. ; портрет.
7. Большой китайско-русский словарь : в 4 т. / редкол.: И. М. Ошанин (гл. ред) [и др.]. – М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1983–1984. – Т. 3. – 1984. – 1104 с.
8. Шесть свадебных обычаев древности : статья / Электронный портал Sohu.com. – URL : https://www.sohu.com/a/214993935_266006 (дата обращения: 13.10.2024).

Поступила в редакцию 13.01.2025